

УДК 340.13
ББК 67.0

Arnautova Alexandra Alexandrovna,
post-graduate student of the chair of theory of state and law
Kutafin Moscow State
Law University,
Moscow,
e-mail: alexandraarnaut111@gmail.com

Арнаутова Александра Александровна,
аспирант кафедры теории государства и права
Московского государственного
юридического университета им. О. Е. Кутафина,
г. Москва,
e-mail: alexandraarnaut111@gmail.com

МЕТОДИКА ПРОВЕДЕНИЯ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ: ЮРИДИКО-ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ

METHODOLOGY OF ANTI-CORRUPTION EXAMINATION: LEGAL AND LINGUISTIC UNCERTAINTY

12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

12.00.01 – Theory and history of law and state; history of the concept of law and state

Статья посвящена вопросу проведения антикоррупционной экспертизы. Проанализирована Методика проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов, в которой перечислены две группы коррупциогенных факторов. Очень важным коррупциогенным фактором является юридико-лингвистическая неопределенность. Потенциал антикоррупционной экспертизы не может использоваться в полной мере по причинам: отсутствия в методике проведения антикоррупционной экспертизы указания на методы и этапы ее проведения, деления коррупциогенных факторов в рамках методики на две группы, отнесения юридико-лингвистической неопределенности только к одной группе коррупциогенных факторов, не совсем удачной формулировки определения юридико-лингвистической неопределенности.

The article is devoted to the issue of carrying out an anti-corruption examination. The Methodology of carrying out of anticorruption examination of normative legal acts and projects of normative legal acts is analyzed; this methodology lists two groups of corruptogenic factors. A very important corruptogenic factor is legal and linguistic uncertainty. The potential of anti-corruption examination cannot be fully utilized for the following reasons: the methodology for carrying out an anti-corruption examination lacks references to methods and stages of conduct thereof; the corruptogenic factors are divided into two groups; legal and linguistic uncertainty is attributed to only one group of corruptogenic factors; the definition of legal and linguistic uncertainty is not aptly stated enough.

Ключевые слова: коррупция, юридическая техника, антикоррупционная экспертиза, коррупциогенный фактор, юридико-лингвистическая неопределенность, методика антикоррупционной экспертизы, нормативный правовой акт, правонарушение, правовая экспертиза, лингвистическая экспертиза.

Keywords: corruption, legal engineering, anti-corruption examination, corruptogenic factor, legal and linguistic uncertainty, methodology of anti-corruption examination, normative legal act, offence, legal examination, linguistic examination.

Введение

Коррупция в России приобрела масштаб серьезной проблемы еще в XVII веке. Сейчас она является одной из существенных причин отставания в развитии экономических отношений. Долгое время борьба с коррупцией осуществлялась путем ужесточения наказаний за правонарушения коррупционной направленности. Теперь законодатель пытается предупредить совершение таких правонарушений, в частности, исключить принятие нормативных правовых актов в редакции, содержащей коррупциогенные факторы. За последние десять лет существенно расширена законодательная база для борьбы с коррупцией. Приняты федеральные законы, ряд подзаконных актов, в государственных органах созданы подразделения, занимающиеся вопросами противодействия коррупции.

Актуальность. Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и их проектов обладает большой практической ценностью. Однако теоретическая основа и вопросы проведения антикоррупционной экспертизы как нового средства борьбы с коррупцией и повышения эффективности нормативных правовых актов требуют обсуждений с целью их совершенствования.

Цель научного исследования заключается в выявлении особенностей проведения антикоррупционной экспертизы и определения путей ее совершенствования. **Задачами**, поставленными для достижения указанной цели, выступили: изучение методики проведения антикоррупционной экспертизы, анализ формулировок коррупциогенных факторов, принципа группировки коррупциогенных факторов.

Научная новизна и значимость. В статье, с учетом научных разработок ученых, анализа законодательства, определено, что действующая методика проведения антикоррупционной экспертизы и отдельные перечисленные в ней коррупциогенные факторы требуют совершенствования с учетом положений юридической техники.

Основная часть

Коррупциогенность нормативного правового акта часто обуславливается его языковой формой. Неудачное словесное выражение правовых норм приводит к невозможности эффективно осуществлять правовое регулирование. Например, не удастся точно выяснить, что представляют собой «...принципы разумности и баланса процессуальных прав и обязанностей сторон», упомянутые в Определении

Верховного Суда РФ от 31.08.2015 № 309-ЭС14-648 по делу № А50-22095/2012. Юридический термин «работник» имеет разные определения в Федеральном законе «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности» и в Трудовом кодексе Российской Федерации [1].

Для предупреждения коррупционности нормативных правовых актов проводится антикоррупционная экспертиза. Согласно положениям Модельного закона «Основы законодательства об антикоррупционной политике», принятого 15 ноября 2003 года Постановлением 22-15 на 22-м пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ, антикоррупционная экспертиза правовых актов — это деятельность специалистов (экспертов) по выявлению и описанию коррупционных факторов, относящихся к действующим правовым актам и их проектам; разработке рекомендаций, направленных на устранение или ограничение действия таких факторов.

На федеральном уровне определение антикоррупционной экспертизы закреплено не было. Документом, относящимся к содержанию антикоррупционной экспертизы, является методика, утвержденная Постановлением Правительства РФ от 26 февраля 2010 года № 96 «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» (далее — Методика). Положения, закрепленные в Методике, безусловно, имеют огромное значение для правотворческого процесса. Тем не менее назвать данную Методику методикой в общепринятом смысле нельзя. Об этом пишет В. В. Астанин, ссылаясь на современный экономический словарь, отмечая, что в таком содержании методика можно операционально определять с приставкой «эрзац», а осуществление антикоррупционной экспертизы по ней — как паллиативную помощь в решении проблем нормотворчества [2]. Такая точка зрения на действующую Методику подтверждается положениями теории судебной экспертизы: «Методика экспертного исследования характеризуется системой (совокупностью) методов, причем включенные в ее содержание, структуру методы применяются в определенной последовательности, зависящей как от поставленных задач и этапов их решения, так и от условий, в которых проводится исследование» [3]. Система методов в данной методике отсутствует, как и этапы, и задачи экспертного исследования.

Все коррупционные факторы в Методике поделены на две группы:

- устанавливающие для правоприменителя необоснованно широкие пределы усмотрения или возможность необоснованного применения исключений из общих правил;
- содержащие неопределенные, трудновыполнимые и (или) обременительные требования к гражданам и организациям.

Группировка коррупционных факторов осуществлялась по субъектам правоотношений. В первую группу включены девять коррупционных факторов, а во вторую группу — три коррупционных фактора.

Наряду с двумя другими коррупционными факторами, содержащими неопределенные, трудновыполнимые и (или) обременительные требования к гражданам и организациям, в методике перечислена юридико-лингвистическая неопределенность. В подп. «в» п. 4 Методики сказано, что «...юридико-лингвистическая неопределенность — употребление неустоявшихся, двусмысленных терминов и категорий оценочного характера».

Во-первых, включение юридико-лингвистической неопределенности во вторую группу коррупционных

факторов позволяет сделать вывод о том, что юридико-лингвистическая неопределенность будет являться коррупционным фактором только в том случае, когда она относится к положениям, «...содержащим неопределенные, трудновыполнимые и (или) обременительные требования к гражданам и организациям». Если юридико-лингвистическая неопределенность выявляется в положениях, «...устанавливающих для правоприменителя необоснованно широкие пределы усмотрения или возможность необоснованного применения исключений из общих правил», она теряет значение коррупционного фактора, не является коррупционным фактором.

Во-вторых, прилагательное «неопределенный» употреблено в тексте Методики два раза. Находим два случая употребления существительного «неопределенность». В первой группе в подп. «а» коррупционный фактор «широта дискретных полномочий» сформулирован таким образом: «...отсутствие или неопределенность сроков, условий или оснований принятия решения, наличие дублирующих полномочий государственных органов, органов местного самоуправления или организаций (их должностных лиц)». Какая неопределенность сроков, условий, оснований принятия решения имеется в виду? Трактовать «неопределенность» в этом случае как отсутствие сроков, условий, оснований принятия решения не можем, так как на отсутствие сроков, условий, оснований принятия решения указано отдельно. Нельзя в этом случае говорить и о юридико-лингвистической неопределенности, так как была возможность использовать специальный термин, введенный этой же Методикой. В результате подобные определения отдельных коррупционных факторов создают сложность в понимании их содержания. Представляется, что данная «неопределенность» может легко преобразоваться в «юридико-лингвистическую». Например, в тексте нормативного правового акта или его проекта могут быть употреблены категории оценочного характера: «длительный срок», «достаточные основания», «веские причины». И такие формулировки представляют собой юридико-лингвистическую неопределенность согласно Методике.

В-третьих, коррупционный фактор первой группы «определение компетенции по формуле „вправе“», указанный в подпункте «б», имеет чисто лингвистический характер. Слово «вправе» в данном случае выступает индикатором «широты дискреционных полномочий». Представляется, данный коррупционный фактор необоснованно выделен в качестве самостоятельного. Следовательно, могли быть выделены в качестве самостоятельных коррупционных факторов и другие слова-индикаторы коррупционности.

В-четвертых, формулировки некоторых коррупционных факторов содержат категории оценочного характера. Подп. «в» п. 3 — «необоснованного установления исключений», подп. «а» п. 4 — «неопределенных, трудновыполнимых и обременительных требований». Из этого следует, что редакция самих коррупционных факторов могла бы быть признана коррупционной, так как содержит юридико-лингвистическую неопределенность. Стоит вспомнить принцип римского права: «С неправомерного не может следовать право» — который воплотился и в нормах российского законодательства.

В-пятых, темой дискуссий является определение самой юридико-лингвистической неопределенности.

Согласны с мнением Е. И. Галяшиной о том, что юрико-лингвистическая неопределенность обозначена довольно узко [4]. Содержание юрико-лингвистической неопределенности не может ограничиваться только употреблением неустоявшихся, двусмысленных терминов и категорий оценочного характера. Неопределенность может возникнуть и в результате построения предложения определенным образом, то есть использования той или иной синтаксической конструкции, допущение ошибки в ней. К примеру, затрудняет понимание размещение причастного оборота вдали от определяемого слова.

Так, в ч. 1 ст. 13.25 «Нарушение требований законодательства о хранении документов» КоАП РФ указано: «Неисполнение акционерным обществом, профессиональным участником рынка ценных бумаг, управляющей компанией акционерного инвестиционного фонда, паевого инвестиционного фонда или негосударственного пенсионного фонда либо специализированным депозитарием акционерного инвестиционного фонда, паевого инвестиционного фонда или негосударственного пенсионного фонда *обязанности* по хранению *документов*, которые предусмотрены законодательством об акционерных обществах, о рынке ценных бумаг, об инвестиционных фондах и принятыми в соответствии с ним нормативными правовыми актами и хранение которых является обязательным, а также нарушение установленных порядка и сроков хранения таких документов... ». Из текста статьи следует, что для местоимения «которые» определяемым словом выступает существительное «документы». На наш взгляд, определяемым словом в этой статье должно являться существительное «обязанность», так как ответственность должна наступать именно за неисполнение обязанности по хранению документов, которая предусмотрена законодательством. Такая формулировка статьи облегчила бы понимание ее сути и не было необходимости добавлять фразу «хранение которых является обязательным». Также в данной статье дистанцируются понятия «законодательство» и «нормативный правовой акт». Данные понятия находятся в отношении подчинения. Понятие «нормативный правовой акт» обладает большим объемом (подчиняющее) и является родовым. Понятие «законодательство» обладает меньшим объемом (подчиненное) и является видовым. «Законы — это нормативно-правовые акты, принятые в особом порядке органом законодательной власти или референдумом, обладающие высшей юридической силой» [5]. Вместе с тем в классификации нормативных правовых актов выделяют и локальные нормативные правовые акты, действующие в пределах предприятия, учреждения, организации их принявших. Статья будет распространяться на такие нормативные правовые акты? Выходом из данной ситуации является указание в статье видов нормативных правовых актов, которыми возможно установление

обязанности по хранению документов, сроков и порядка хранения. Часто даже в простых конструкциях допускаются ошибки.

Закрепленное в Методике определение юрико-лингвистической неопределенности допускает различные толкования. О. Н. Родионова, отмечая, что «...использованное в подп. «в» п. 4 Методики тире может замещать разные фрагменты текста», предлагает три варианта толкования приведенного пункта [6]. «Если в соответствии с подп. «в» п. 4 Методики попробовать оценить сам подпункт, то можно сделать вывод: он имеет юрико-лингвистическую неопределенность, возникшую в результате деления фразы на две части, соотношение которых между собой не совсем понятно в силу использования двусмысленного (если употреблять терминологию второй части формулировки названного подпункта) знака препинания. Следовательно, эксперты получают противоположные результаты: те, кто будет ориентироваться на первый и второй варианты понимания нормы, сочтут ее некоррупционной, а те, кто будет исходить из третьего варианта, признают ее коррупционной» [7].

Заключение

Н. В. Белоконь предлагает новое определение юрико-лингвистической неопределенности: «...целесообразно определить юрико-лингвистическую неопределенность как неопределенность понятий, терминов и формулировок смыслового (содержательного) характера, возникшую вследствие несоблюдения содержательных, логических и лингвистических правил юридической техники и способную вызвать произвольное толкование и применение правовой нормы» [8]. Такое определение соответствует положениям юридической науки. Юридическая техника является относительно автономным разделом, научным направлением теории права [9]. Она оперирует не только положениями юриспруденции, а аккумулирует положения наук лингвистики и логики.

Несоблюдение правил юридической техники выявляется в ходе правовой, лингвистической, юрико-технической экспертиз проектов нормативных правовых актов, следовательно, для выявления юрико-лингвистической неопределенности как одного из коррупционных факторов требуется применение и правовых, и лингвистических знаний, проведения соответствующих экспертиз.

Роль юрико-лингвистической неопределенности явно недооценена. Для эффективного проведения антикоррупционной экспертизы и устранения коррупционных факторов из текстов нормативных правовых актов необходимо расширить содержание коррупционного фактора «юрико-лингвистическая неопределенность», и он не должен быть отнесен к какой-либо одной группе коррупционных факторов. Совершенствование методики проведения антикоррупционной экспертизы должно осуществляться с учетом положений юридической техники.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Туранин В. Ю. Теория и практика использования законодательных дефиниций. М. : МЭСИ, 2009. С. 61–62.
2. Астатин В. В. Антикоррупционная экспертиза в вопросах доктрины и практики // Российская юстиция. 2016. № 8. С. 5–9.
3. Россинская Е. Р., Галяшина Е. И., Зинин А. М. Теория судебной экспертизы (судебная экспертология) : учебник / под ред. Е. Р. Россинской. М. : Норма : ИНФРА-М, 2016. С. 124.
4. Галяшина Е. И. Антикоррупционная юрико-лингвистическая экспертиза нормативных правовых актов и их проектов // Антикоррупционная экспертиза нормативно-правовых актов и их проектов / сост. Е. Р. Россинская. М. : Проспект, 2010. С. 27–33.

5. Кирдяшова Е. В., Батлер В., Гафуров З. Ш., Денисов Г. И., Жуков В. Н., Керимов Д. А. Теория государства и права : учебник для вузов / под общ. ред. О. В. Мартышина. М. : Юрлитинформ, 2012. С. 269.
6. Родионова О. Н. Юридиколо-лингвистическая неопределенность юридиколо-лингвистической неопределенности [Электронный ресурс] // Российский юридический журнал 2015. № 4 (июль-август). Доступ из СПС «ГАРАНТ». URL: <http://base.garant.ru/57349506/> (дата обращения: 20.03.16).
7. Родионова О. Н. Указ. соч.
8. Белоконов Н. В. Юридиколо-лингвистическая неопределенность: содержание понятия // Вестник Воронежского государственного университета. 2012. № 1 (12). С. 54.
9. Кашанина Т. В. Юридиколо-техническая : учебник. М. : Норма : ИНФРА-М, 2011. С. 23.

REFERENCES

1. Turanin V. Yu. Theory and practice of using legislative definitions. M. : MESI, 2009. P. 61–62.
2. Astatin V. V. Anticorruption examination in matters of doctrine and practice // The Russian Justice. 2016. No. 8. P. 5–9.
3. Rossinskaya E. R., Galyashina E. I., Zinin A. M. Theory of forensic examination (forensic expertology) : textbook / ed. E. R. Rossinskaya. M. : Norma : INFRA-M, 2016. P. 124.
4. Galyashina E. I. Anticorruption juridic and linguistic examination of normative legal acts and their projects // Anticorruption examination of normative legal acts and their projects / comp. E. R. Rossinskaya. M. : Prospekt, 2010. P. 27–33.
5. Kirdyashova E. V., Butler V., Gafurov Z. S., Denisov G. I., Zhukov V. N., Kerimov D. A. Theory of State and Law : A Textbook for Universities / under the general editorship of O. V. Martyshin. M. : Yurlitinform, 2012. P. 269.
6. Rodionova O. N. Legal and linguistic uncertainty of legal and linguistic uncertainty [Electronic resource] // Russian Juridical Journal. 2015. No. 4 (July-August). Access from LRS «Garant». URL: <http://base.garant.ru/57349506/> (date of viewing: 20.03.16).
7. Rodionova O. N. Index of works.
8. Belokon' N. V. Legal and linguistic uncertainty: the content of the concept // Bulletin of Voronezh State University. 2012. No. 1 (12). P. 54.
9. Kashanina T. V. Legal engineering: a textbook. M. : Norma : INFRA-M, 2011. P. 23.

Как цитировать статью: Арнаутова А. А. Методика проведения антикоррупционной экспертизы: юридиколо-лингвистическая неопределенность // Бизнес. Образование. Право. 2017. № 4 (41). С. 315–318.

For citation: Arnautova A. A. Methodology of anti-corruption examination: legal and linguistic uncertainty // Business. Education. Law. 2017. No. 4 (41). P. 315–318.

УДК 347.191.43
ББК 67.404.219

Garaschuk Olga Alexeevna,
post-graduate student of Russian
University of Transport,
Moscow,
e-mail: olga_garaschuk@mail.ru

Гарашук Ольга Алексеевна,
аспирант Российского
университета транспорта,
г. Москва,
e-mail: olga_garaschuk@mail.ru

ВОПРОСЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ СОБСТВЕННИКОВ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА И АКТУАЛЬНЫЕ СПОСОБЫ ИХ РЕШЕНИЯ

ISSUES OF LIABILITY OF OWNERS OF A LEGAL ENTITY AND ACTUAL WAYS TO SOLVE THEM

12.00.03 – Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право
12.00.03 – Civil law; entrepreneurial law; family law; private international law

В рамках настоящей статьи проводится анализ регулирования ответственности собственников юридических лиц (участников, акционеров), а также их органов управления за принятие управленческих решений с учетом общей цели деятельности. Статья затрагивает вопросы бенефициарной собственности и понятия бенефициарного владельца бизнеса с учетом последних нововведений в действующее национальное законодательство, а также международные нормы права. Отдельная часть работы посвящена последней тенденции судебной практики, которая следует доктрине «снятия корпоративной вуали»

и возможным средствам раскрытия информации об имеющихся активах за рубежом с учетом положений иностранного законодательства.

The present article analyzes the regulation of the liability of owners of legal entities (participants, shareholders), as well as their managing bodies for making managerial decisions taking into account the common objective of the activity. The article touches upon the issues of beneficial ownership and the concept of the beneficial owner of business in consideration to the latest amendments to the current national legislation, as well